

Den Lyu
Shin

Книга первая - «Симфония Тени»

Den Lyu Shin

Книга первая - «Симфония Тени»

«Автор»

2026

Lyu Shin D.

Книга первая - «Симфония Тени» / D. Lyu Shin — «Автор»,
2026

Обычный пианист из провинциального бара случайно наигрывает мелодию, которая становится самым продаваемым хитом века, ввергая его в мир ИИ-интриг, глобальных разборок и борьбы за саму душу творчества.

© Lyu Shin D., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Остаточная мелодия	5
Глава 2: Белый шум предложения	7
Глава 3: Подпись в тиффани	9
Глава 4: Камера потока	11
Глава 5: Монстр на вершинах чартов	13
Глава 6: Журналистка из подполья	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Den Lyu Shin

Книга первая - «Симфония Тени»

Глава 1: Остаточная мелодия

Дождь стучал по жестяной вывеске бара «Ностальжи» так монотонно, что сливался с тиканьем старых часов за стойкой. Лев Зимин не слышал ни того, ни другого. Его пальцы, толстые, с уплотненными подушечками от многолетних упражнений, сами блуждали по пожелтевшим клавишам пианино «Красный Октябрь». Он играл не для посетителей — их было трое: двое у стойки молча пили пиво, один спал в углу, уткнувшись в куртку. Он играл потому, что иначе в голове начинала выть та самая пустота.

Пустота была размером с класс в детской музыкальной школе, откуда его уволили месяц назад. «Несоответствие современным стандартам», «отсутствие взаимодействия с аудиторией». Аудитория у Льва была одна — его семилетняя дочь Лиза, которая сейчас лежала в больнице, и счет за лечение рос быстрее, чем сорняк у подъезда его хрущевки. Игра в баре приносила копейки, но это были хоть какие-то копейки, которые он откладывал в жестяную банку из-под леденцов.

Пальцы нащупали знакомую последовательность — что-то между ранним Армстронгом и цыганским романсом, что всегда нравилось хозяину. Потом, сам не зная почему, Лев свернул в сторону. В кармане его потертой куртки лежала старая, в кожаном переплете, нотная тетрадь. Ее оставил дед, прошедший всю войну полковым баянистом. Там, между строчками с «Синим платочком» и «Катюшей», были набросаны карандашом несколько тактов без названия. Обрывок. Незаконченная мысль.

Лев никогда не играл этот отрывок на публику. Он был слишком... голым. Лишенным привычного пафоса или уютной меланхолии барной музыки. Но сегодня пустота внутри требовала заполнения именно этой формой. Он закрыл глаза, представил не дымный зал, а лицо Лизы перед операцией — испуганное, но доверчивое. И начал играть.

Это не была импровизация. Это было воспоминание. Воспоминание того, чего не было. Мелодия деда оживала под его пальцами, обрастая плотью гармоний. Она была про то, как стихает грохот после боя, и в промокшей земле отражается чистое небо. Про первый вздох, когда отступает боль. Про тишину, которая не пугает, а обнимает. Он играл тихо, почти шепотом, но каждый звук висел в воздухе отдельной, дрожащей каплей.

Он не заметил, как двое у стойки перестали перешептываться. Не заметил, как спящий человек в углу приоткрыл один глаз. Он сам растворился в звуке, став проводником для чего-то чужого и своего одновременно. На мгновение пустота исчезла, вытесненная странным, щемящим светом.

Последний аккорд растаял, слившись со звуком дождя. Лев открыл глаза, чувствуя легкую дрожь в коленях и странную, непривычную легкость в груди, будто выпустил воздух, который держал годами.

«Браво, маэстро», — раздался спокойный голос прямо рядом с ним.

Лев вздрогнул. У пианино стоял мужчина в элегантном темном пальто, без капли дождя на нем. Лицо его было непроницаемо-дружелюбным, а в руках он покручивал смартфон. На экране мигал красный значок записи.

«Я Артур, — представился незнакомец, не протягивая руки. — Вы играете удивительные вещи. Особенно то, что в конце. Это ваше?»

«Это... семейное», — пробормотал Лев, инстинктивно прикрывая тетрадь на пюпитре локтем.

«Семейное, — повторил Артур, и в уголке его рта дрогнула тень улыбки. — Знаете, семейные реликвии порой бывают бесценны. В прямом смысле. У меня для вас может найтись предложение. Куда более выгодное, чем это место».

Он кивком окинул взглядом полупустой, пропахший пивом и тоской зал.

Лев сжал кулаки. Предложение. Слово, от которого пахло деньгами. А деньги пахли лекарствами, хорошим врачом, надеждой в глазах Лизы. Внутри что-то настороженно сжалось, но пустота, уже подступавшая вновь, заглушила этот голос.

«Какое предложение?» — спросил он, и его собственный голос прозвучал чужим.

Артур положил на крышку пианино белый, лаконичный визиток. На ней было только название: «Эфириал Саунд» и номер телефона.

«Мы занимаемся изучением нейробиологии творчества. Ищем уникальных людей. Вам нужно будет всего лишь... поделиться процессом. Позвоните завтра. Думаю, мы сможем решить все ваши проблемы».

Он повернулся и вышел, не попрощавшись. Дождь за его спиной тут же поглотил его силуэт.

Лев взял визитку. Бумага была плотной, дорогой. Он сунул ее в карман, к тетради. В банке из-под леденцов лежало три тысячи семьсот рублей. До следующего платежа за больницу — две недели.

Он снова положил пальцы на клавиши, попытался наиграть тот самый отрывок, мелодию деда. Но она ускользнула. Остался лишь бледный отзвук, эхо чего-то важного, что он только что выпустил на свободу, сам того не понимая.

Глава 2: Белый шум предложения

Следующие два дня Лев прожил в лихорадочном полубреду. Визитка в кармане жгла его, как раскаленный уголек. Он пытался искать информацию о «Эфириал Саунд». Результаты были безупречны и пугающе скудны: сайт-визитка с пафосными фразами про «будущее звука» и «симбиоз человека и технологии», несколько статей в нишевых техно-журналах о «революционных исследованиях в области музыкального восприятия». Ни скандалов, ни подробностей. Слишком чисто.

На третье утро, после ночной смены в баре, он стоял у окна больничной палаты. Лиза спала, подключенная к капельнице, ее лицо было бледным и хрупким, как фарфор. Врач, добрая уставшая женщина, говорила о новых анализах, о возможном переводе в федеральный центр, о суммах, от которых у Льва сводило желудок. Он кивал, сжимая в кармане ту самую визитку так, что бумага въелась в кожу ладони.

Он вышел в холодный больничный коридор, запах антисептика смешался со вкусом безысходности. И позвонил.

Его соединили без ожидания, с первого гудка.

«Лев, я рад, что вы позвонили», — голос Артура Вальтера был ровным, как стерильная поверхность. Казалось, он знал, что звонок произойдет именно в эту минуту. — «Предлагаю встретиться. Не в баре. В месте, где мы сможем поговорить о будущем».

Местом оказался коворкинг в бывшем фабричном здании, переделанном в храм стекла и бетона. Все здесь дышало дорогой минималистичной пустотой. Льва, в своем единственном поношенном пиджаке, проводили в залу с панорамным видом на город. За белым столом, на котором стояла лишь одна чашка с черным кофе, сидел Вальтер. Рядом с ним — женщина. Холодная, точеная красота, идеальный каре, взгляд серых глаз, сканирующий Льва с ног до головы, будто оценивая лот на аукционе.

«Моя коллега, Мария», — представил ее Вальтер, не уточняя должности. Мария кивнула едва заметно.

«Лев, давайте без прелюдий, — начал Вальтер, отпивая глоток кофе. — Мы изучаем природу вдохновения. Мозговые импульсы, нейронные связи в момент творческого акта. Наша технология позволяет... фиксировать этот момент в его чистейшем виде. Вы — идеальный кандидат. Ваша игра, особенно та, последняя импровизация, демонстрирует редкую, неиспорченную академическими штампами, нейронную активность».

«Вы хотите записать мой мозг?» — хрипло спросил Лев. В голове мелькнули образы из плохих фантастических фильмов.

«Не просто записать. Запечатлеть суть, — поправила его Мария. Ее голос был низким, металлическим. — Один сеанс. Безболезненно, неинвазивно. Вы просто будете играть. А наши сенсоры считают картину вашей мозговой активности. Все абсолютно конфиденциально и этично».

«А деньги?» — выпалил Лев, ненавидя себя за эту прямолинейность, но другого выхода не было.

Вальтер улыбнулся, как учитель, довольный сообразительным учеником.

«Аванс. Пятьдесят тысяч долларов. Сразу после подписания контракта и успешного завершения сеанса. И еще двести — в виде роялти, после коммерциализации результатов наших исследований».

У Льва перехватило дыхание. Суммы были космические, нереальные. На эти деньги можно было лечить Лизу годами. Купить тишину, безопасность, будущее.

«Какая коммерциализация? Что вы будете делать с... моим вдохновением?» — заставил себя спросить он.

«Создавать новые инструменты для музыкантов, — плавно ответил Вальтер. — Улучшать интерфейсы, алгоритмы генерации музыки. Помогать таким, как вы, творить. Вы будете частью революции, Лев».

Ложь прозвучала так убедительно, что стала почти правдой. А в глазах Марии Лев прочел что-то другое: нетерпение. Ей было все равно, верит он или нет. Нужен был его доступ.

«Контракт, — сказал Лев, чувствуя, как почва уходит из-под ног. — Я хочу его посмотреть. С юристом».

«Конечно, — Вальтер жестом подозвал невидимого ассистента. На стол лег толстый конверт. — Ваш юрист все проверит. Но спешу заверить: все стандартно. Конфиденциальность, передача прав на биометрические данные, полученные в ходе исследования, в пользу компании. Вы получаете гонорар и навсегда забываете о финансовых проблемах».

Слово «навсегда» повисло в воздухе ядовитым обещанием.

Лев взял конверт. Бумага была тяжелой, солидной. Он представил, как отдает эти деньги врачам, как Лиза смеется, как он больше не будет чувствовать запах дешевого пива и отчаяния в баре.

«Хорошо, — прошептал он. — Я подумаю».

«Думайте быстро, — мягко, но недвусмысленно сказала Мария. — Окно возможностей не вечно. А ваша... личная ситуация, как мы понимаем, требует оперативных решений».

Они знали. Они знали про Лизу, про больницу, про долги. Льва бросило в холодный пот.

Он вышел из коворкинга, прижимая конверт к груди. Городской шум обрушился на него — гул машин, голоса, музыка из кафе. Но внутри у него стоял свой, отдельный белый шум — нарастающий гул страха, соблазна и ощущения непоправимой ошибки, которую он вот-вот совершит.

Мария кивнула, и на ее губах появилась тонкая, ледяная черта, похожая на лезвие.

«Он уже наш, Артур. Он просто еще не знает, что его мелодия уже не его. Она уже стала данными. А данные — наша валюта».

Глава 3: Подпись в тиффани

Конверт пролежал на кухонном столе три дня, как неразорвавшаяся бомба. Лев ходил вокруг него, пил дешевый чай, пытался читать мелкий, убористый шрифт контракта. Юридические формулировки расплывались перед глазами в кашу из угроз и обещаний. «Безвозвратная передача эксклюзивных прав на все биометрические паттерны, нейронные карты и производные от них интеллектуальные продукты...» «Компания обязуется выплатить одноразовое вознаграждение в размере...» «Сторона А отказывается от каких-либо дальнейших претензий...»

Ключевые слова выпрыгивали: «безвозвратная», «эксклюзивные», «отказывается».

На четвертый день позвонили из больницы. Голос врача звучал устало и мягко:

«Лев Сергеевич, мы сделали все, что могли. Нужна консультация профессора Семенова в Москве. И... возможно, дорогостоящий курс препаратов. Я вышлю вам названия. Пожалуйста, найдите возможность».

Он нашел. Возможность лежала на столе в синем конверте.

Он позвонил Вальтеру. Тот не выразил ни удивления, ни торжества. Просто назначил время и место для подписания: офис в «Сити», сороковой этаж.

Лифт, стремительно взмывающий вверх, вытолкнул Льва в другой мир. Тишина здесь была не барной, а стерильной, подавляющей. Полы отражали свет скрытых светильников, стены были цвета слоновой кости. Из динамиков лилась призрачная, электронно-акустическая музыка — что-то безупречно красивое и абсолютно безликое.

Мария встретила его у лифта. Сегодня на ней был строгий костюм цвета стали.

«Проходите. Все готово».

Кабинет Вальтера был огромен и почти пуст. Помимо стола и двух кресел, здесь был только огромный экран, выключенный, и на стене — картина в стиле абстрактного экспрессионизма, кляксы краски, застывшие в хаотичном, но дорогом порядке.

«Лев, здравствуйте. Приняли решение?» — Вальтер сидел, откинувшись в кресле. Перед ним лежали два экземпляра контракта и дорогая перьевая ручка.

«Я... хочу уточнить про роялти. Двести тысяч. Когда?»

«После выхода на рынок продукта, созданного с применением полученных данных. В течение пяти лет. Все прописано», — пальцем Вальтер указал на пункт 7.г.

Лев кивнул. Глаза его снова заскользили по строчкам. Он искал ловушку, но видел только ряды непонятных слов. Ловушкой было все. «А сеанс? Это... больно?»

Мария, стоявшая у окна, ответила вместо босса: «Вы наденете легкий шлем с датчиками. Сыграете несколько произведений, в том числе ту самую мелодию. Мы зафиксируем состояние потока. Все займет не более часа. Вы даже не почувствуете ничего, кроме легкого покалывания. Как от статического электричества».

«И я получу деньги сразу?»

«Сразу после сеанса и подписания акта приема-передачи данных, — подтвердил Вальтер. — Наличными или на карту — как удобно».

Лев посмотрел на ручку. Она была из темного металла, с гравировкой. Казалось, она весила тонну. Он представил Лизу. Ее смех, когда он катал ее на плечах. Ее испуганные глаза в больничной палате. Тихий голос: «Пап, а я скоро выздоровею?»

Он взял ручку. Металл был холодным. «Где... подписывать?»

Вальтер молча перевернул последнюю страницу, указав на строки, отмеченные желтыми стикерами. Их было много. Лев не стал читать. Он ставил свою фамилию, имя, отчество. Размашистым, школьным почерком, каким когда-то расписывался в свидетельстве о рождении дочери. Каждая подпись отдавалась глухим ударом в висках.

Когда он закончил, Вальтер взял один экземпляр, бегло просмотрел и улыбнулся. Улыбка была похожа на ту, что на картине за его спиной — красивая, но лишенная тепла.

«Превосходно. Поздравляю с началом сотрудничества. Сеанс назначен на послезавтра, десять утра. Адрес лаборатории вам пришлют. И... вот ваша часть».

Он открыл ящик стола и вынул плотный конверт. Не такой, как с контрактом. Меньше, толще. Лев взял его. Конверт был тяжелым, осязаемым.

«Пятьдесят. Можете пересчитать», — сказала Мария, не скрывая легкого презрения в голосе.

Лев сунул конверт во внутренний карман пиджака. Он жал ему на грудь, как свинцовая плита.

«Все, можно идти?»

«Конечно. До послезавтра, Лев. Отдохните. Приходите вдохновленным», — произнес Вальтер.

Лифт вез Льва вниз. Он смотрел на отражение в полированных стенках: осунувшееся лицо, пустые глаза. В кармане лежали деньги на спасение дочери. И контракт, который, он смутно чувствовал, продавал что-то гораздо большее, чем час его времени.

На улице он зашел в первый же банк, положил деньги на счет, перевел почти все в больницу. Оставил себе только на хлеб и проезд. Остаток на счете был астрономическим. Он должен был чувствовать облегчение, эйфорию. Но он чувствовал только тиффани — холодную, дорогую пустоту, оставшуюся после подписи, поставленной под чужими, нечитаемыми словами. Он продал призрак вдохновения, даже не понимая, что призрак этот был душой его музыки.

А в кабинете на сороковом этаже Вальтер вставил флешку с отсканированным контрактом в компьютер.

«Мария, подготовьте «Камеру». И скажите «Маэстро», что ужин подан. Особенный. С ностальгией и душой».

Мария кивнула, и в ее глазах наконец мелькнул интерес, почти хищный.

«Нейро-Рифф давно не получал такого чистого образца. Интересно, каким будет вкус... остаточной мелодии».

Глава 4: Камера потока

Лаборатория «Эфириал Саунд» находилась не в небоскребе, а под землей. Вернее, в перестроенном бункере на окраине промзоны. Льва встретил не Артур и не Мария, а молчаливый техник в синем халате, который провел его через три поста охраны и длинный белый коридор, лишенный окон.

Воздух здесь пахнет озоном и стерильной пластмассой.

Комната, куда его привели, называлась «Камерой». Она была круглой, стены и пол обтянуты звукопоглощающим материалом цвета мокрого асфальта. В центре стояло электронное пианино. Над ним на тонком штативе висел предмет, напоминающий шлем для виртуальной реальности, но более легкий, оплетенный сетью тонких волокон и миниатюрных лампочек.

«Раздевайтесь до пояса и наденьте это», — техник указал на бесформенную хлопковую толстовку, лежавшую на стуле. На груди у нее был логотип компании: стилизованная звуковая волна, превращающаяся в дерево нейронных связей.

Лев послушно переоделся. Ткань была неприятно холодной. Техник подошел со шлемом. «Не двигайтесь».

Шлем лег на голову удивительно легко. Лев почувствовал, как десятки микроиглол-датчиков мягко коснулись кожи черепа. Не больно, но очень странно — как будто по голове ползет рой холодных муравьев.

«Готово. Садитесь за инструмент. Система калибруется».

Техник удалился, щелкнула массивная дверь. Лев остался один в этой беззвучной, давящей сфере. Его собственное дыхание казалось оглушительно громким. Он сел за пианино. Клавиши были идеально матовыми, не дающими бликов. Над ними, на небольшом экране, загорелась надпись: «Нейро-Рифф. Сессия 047. Статус: Ожидание ввода».

В углу потолка, почти незаметная, зажглась крошечная камера с красным глазком.

Внезапно в шлеме прозвучал голос Вальтера, чистый, без искажений:

«Лев, вы нас слышите? Не пугайтесь. Мы наблюдаем. Начните, пожалуйста, с простых гамм. Разомнитесь. Дайте системе настроиться на ваш базовый ритм».

Лев вздохнул и начал играть. Звук пианино был безупречным, но безжизненным — как сэмпл высочайшего качества. Гаммы, арпеджио. Его пальцы двигались автоматически, мозг был пуст.

«Хорошо. Теперь сыграйте то, что играли в баре. Ту мелодию», — голос Марии вклинился, более требовательный.

Лев замер. Он не хотел. Это было последнее, что оставалось действительно его в этой комнате. Но контракт. Деньги. Лиза. Он начал.

Первые же ноты мелодии деда отозвались в «Камере» иначе. Воздух, казалось, сгустился. Лампочки на шлеме замигали быстрее, переливаясь от синего к фиолетовому. На экране пианино поплыли волны графиков, скачки частот, каскады цифр.

А в голове у Льва начало твориться нечто. Он не просто вспоминал мелодию — он проживал ее снова. Свежесть после дождя. Тишину. Боль утраты и слабый росток надежды. Он видел лицо деда на пожелтевшей фотографии, чувствовал тепло руки Лизы. Музыка лилась из него, как кровь из открытой раны, чистая и болезненная.

И тут он почувствовал.

Не покалывание. Не статическое электричество. Это было похоже на вытягивание. Тонкое, почти неосоздаемое ощущение, будто из самой глубины его сознания, оттуда, где рождались образы и чувства, тянули длинную, шелковую нить. Нить воспоминаний, ассоциаций, того самого «потока». Он играл, а что-то впитывало суть его переживаний, оставляя лишь пустую эмоциональную оболочку.

Его охватила паника. Он хотел остановиться, но пальцы, будто одержимые, продолжали бегать по клавишам. Мелодия нарастала, достигала кульминации — того самого пронзительного, светлого аккорда, который рождался из боли. В этот момент ощущение вытягивания стало физическим, почти больным. В ушах зазвенел высокочастотный писк, не слышимый, но ощущаемый костями черепа.

И вдруг — тишина. Не внешняя, а внутренняя. Та самая легкость, которую он почувствовал в баре, сменилась ледящей, абсолютной пустотой. Как будто из комнаты его души вынесли всю мебель, ковры, картины, оставив голые бетонные стены и эхо.

Он закончил играть. Последний звук растворился в поглотителях. Лампочки на шлеме погасли.

Дверь открылась. Вошел техник, молча снял шлем. Прикосновения датчиков оставили на коже легкую сетку красных точек, как сыпь.

«Сеанс завершен. Одевайтесь».

Лев дрожащими руками натянул свою футболку. Он пытался поймать отголосок тех чувств, только что излившихся в музыку. Ничего. Там, где минуту назад бушевало живое море эмоций, теперь была сухая раскаленная пустыня. Он мог вспомнить мелодию, но не мог почувствовать ее.

В коридоре его ждала Мария. В руках она держала тонкий планшет.

«Все прошло успешно. Ваши данные бесценны. Вот ваш акт», — она протянула ему электронную панель для подписи. — «Подпишите здесь. И здесь».

Лев машинально поставил автографы. Его взгляд упал на график на экране планшета. Он видел свою фамилию, а рядом — сложную трехмерную модель, похожую на взрыв сверхновой или причудливый цветок. Подпись: *«Нейро-карта 047. Эмоциональный кластер: “Катарсис-Ностальгия”. Целостность: 99.3%»*.

«Что это?» — хрипло спросил он, ткнув пальцем в модель.

«Карта вашего вдохновения, Лев. Красиво, не правда ли?» — Мария забрала планшет. — «Деньги уже у вас. Сотрудничество завершено. Все контакты прекращаются. Не пытайтесь нас искать. Для вашего же блага».

Его вывели тем же путем. Солнце на улице резало глаза. Он стоял у неприметной двери в серой стене, сжимая в руке распечатанный акт. В кармане лежала карта с деньгами. В голове — звенящая, выжженная пустота.

Он купил дорогой торт и поехал в больницу. Лиза обрадовалась, врач сказала, что перевод в московскую клинику уже согласован. Все было хорошо. Идеально.

Но когда вечером, вернувшись в пустую квартиру, Лев сел за свое старенькое пианино и попытался наиграть ту самую мелодию, у него ничего не вышло. Пальцы помнили аппликатуру. Уши слышали правильные ноты. Но внутри не отзывалось ничего. Музыка была мертвой.

Он продал не час времени. Он продал способность чувствовать ее. «Камера потока» не записала его состояние. Она выкачала его. И оставила после себя только сухой остаток — навык без души, воспоминание без эмоционального заряда.

Глава 5: Монстр на вершинах чартов

Пустота стала его новым нормальным состоянием. Она была не как печаль или отчаяние — те хоть жгли. Это было отсутствие чего-либо. Как анестезия души. Лев выполнял ритуалы: навещал Лизу в новой, пахнущей дорогими лекарствами московской клинике, говорил с врачами, платил счета. Деньги таяли, но пока их хватало. Он мог купить дочери любую игрушку, любую книгу. Но не мог подарить ей ту самую смешную песенку, что сочинял на ходу раньше. Теперь при попытке импровизировать в голове возникала только тишина, прерываемая назойливым эхом чужих гамм.

Через две недели после сеанса, сидя в больничном кафе, он увидел на экране телевизора рекламный ролик. Яркие, сменяющие друг друга кадры: взлетающая ракета, расцветающий цветок, счастливые лица людей по всему миру. И на фоне этого — музыка. Простой, чистый фортепианный мотив, который обвивался современными электронными битами и струнными, нарастая до эпического саундтрека к самой жизни.

У Льва перехватило дыхание. Это была она. Его мелодия. Мелодия деда. Узнаваемая до мурашек, но одетая в дорогой, глянцевый костюм. Она звучала как его собственная душа, прошедшая через фильтр бездушного перфекционизма.

Голос за кадром, бархатный и убедительный, произнес: «...чувствуете ли вы это? Это будущее. Это звук вашей мечты. «Silence After Rain» — первый сингл с альбома «Nova» от ELARA. Уже во всех цифровых сервисах».

Кадр переключился на молодую женщину с идеальными чертами лица и фиолетовыми волосами — ELARA, восходящую поп-идолку, о которой в последний месяц трубили все таблоиды. Она улыбалась, и в ее глазах не было ни капли того, что вложил в эту музыку Лев.

У него зазвенело в ушах. Он вскочил, опрокинув стул, и выбежал в холл, на ходу доставая телефон. Его пальцы дрожали, когда он вбивал в поиск «Silence After Rain ELARA».

Топ-1 в глобальных чартах Spotify. Топ-1 Apple Music. 100 миллионов просмотров за три дня на премьерном видео. Вирусный хештег #MySilenceAfterRain.

Он нажал на воспроизведение. Закрыв глаза. Да, это был костяк его мелодии. Но теперь она была обработана, причесана, лишена всех шероховатостей и той пронзительной грусти, что рождалась из тишины после реального дождя. Это была симуляция катарсиса. Идеальный продукт. И он захватывал мир.

В разделе «авторы» значились: Музыка: Артур Вальтер, Мария Соколова («Эфириал Саунд»). Слова: ELARA. Аранжировка: NeuroHarmony Systems.

Его имени не было. Не было даже намека.

Лев попытался позвонить Вальтеру. Номер не существовал. Он поехал в офис в «Сити». На ресепшене ему холодно сообщили, что компании «Эфириал Саунд» по этому адресу не находится. Он метался по городу, пытаясь найти тот самый бункер-лабораторию. Промзона была огромной, а та серая дверь словно растворилась в бетоне.

Вечером он сидел на кухне в съемной московской квартирке и в сотый раз перечитывал контракт. Пункт 14.б, на который раньше не обратил внимания, теперь выжиг сетчатку: «Сторона А безоговорочно признает, что все нейронные паттерны, зафиксированные в ходе сеанса, являются сырыми данными, не имеющими индивидуальной творческой ценности и признаками авторского произведения. Права на любые производные продукты, созданные на основе данных, полностью принадлежат Стороне Б».

Они не украли песню. Они украли сырье для нее. И по закону они были чисты.

На следующее утро его нашел журналист. Молодой парень в очках, представился Денисом, сказал, что ведет блог о закулисной жизни шоу-бизнеса.

«Лев Сергеевич, я слышал, вы играли нечто похожее в баре «Ностальжи» за месяц до выхода хита. Это правда?»

Лев, измотанный, с красными глазами, выложил ему все. Про тетрадь деда, про встречу с Вальтером, про сеанс в «Камере». Не упомянул только про пустоту внутри. Это было недоказуемо.

Денис записывал на диктофон, глаза его горели.

«Это сенсация! Нейро-пиратство! Мы взорвем интернет!»

Статья вышла через день. Заголовок: «Душа хита: пианист-неудачник обвиняет корпорацию в краже своей музыки через сканирование мозга».

Эффект был не таким, как ожидал Лев. Первыми пришли комментарии под статьей: «Очередной неудачник хочет пропиариться на успехе ELARA!» «Нейросканирование? Да вы что, это научная фантастика!» «Где доказательства? Ноты покажи, умник!» «Дедовщина какая-то. Нашел тетрадку и решил, что он гений?»

Потом пришел официальный ответ от пресс-службы «Эфириал Саунд» (которая чудесным образом снова обрела существование). Короткое, едкое заявление: «Г-н Зимин получил более чем щедрое вознаграждение за участие в наших исследованиях. Его попытки опорочить успех молодой артистки и инновационной компании безосновательны и, вероятно, продиктованы корыстными мотивами. Мы оставляем за собой право подать иск о защите деловой репутации».

Затем вышло интервью ELARA в модном журнале. На вопрос о скандале она смерила интервьюера снисходительным взглядом и сказала: «Творчество — это поток. Иногда разные люди ловят похожие волны. Жаль, что некоторые предпочитают судиться, вместо того чтобы просто творить». Поклонники вознесли ее на щит как жертву зависти.

Лев стал посмешищем. «Тот самый пианист с украденным мозгом». Мемы, коллажи, злые пародии. Его немногочисленные знакомые отшатнулись. Денис-журналист прислал одно сообщение: «Лев Сергеевич, меня убрали с этой темы. Тут слишком большие силы задействованы. Советую вам замолчать, пока не стало хуже».

Вальтер с Марией даже не скрывались. Они победили. Их монстр — идеальный, глянцево-эмоционально выверенный до наносекунды хит — царил на вершине. Он приносил миллионы. А Лев остался с пустотой внутри, пародийным имиджем сумасшедшего и дочерью, которая однажды спросила: «Пап, а правда, что ты украл песню у той красивой тети?»

Он не ответил. Он просто вышел на балкон, вдохнул холодный московский воздух и впервые за долгое время почувствовал что-то кроме пустоты. Это была ярость. Тупая, бессильная, сокрушительная ярость. Они забрали у него не только мелодию. Они забрали его голос. Его правду. Его право чувствовать.

И тогда в кармане его телефона, купленного на деньги от продажи души, раздался звонок с незнакомого номера. Женский голос, тихий и настороженный, сказал: «Лев? Меня зовут Анна. Я пишу о том, что происходит в «Эфириал Саунд». Я знаю, что вы говорите правду. И знаю, что вы не первый. Мы должны встретиться. Но будьте осторожны. За вами, возможно, следят».

Ярость в его груди сменилась ледяной, цепкой надеждой. Монстр был на вершине. Но под ней, в тених, начинала зреть охота на охотников.

Глава 6: Журналистка из подполья

Встречу назначили не в кафе и не в парке, а в гигантском магазине бытовой техники на окраине Москвы. Анна объяснила: «Много выходов, камеры только на кассах, всегда шумно и много людей. Идеальное место, чтобы раствориться».

Лев приехал, чувствуя себя параноиком. Он три раза пересел с одной ветки метро на другую, оглядываясь на отражения в стеклах. Пустота внутри теперь соседствовала с натянутой, как струна, тревогой.

Он нашел ее в отделе холодильников. Молодая женщина в простых джинсах и темном пуловере, с неброской сумкой через плечо, изучала этикетку на двери «умного» холодильника. Она выглядела как обычная покупательница, но в ее осанке была собранность дикого зверя, улавливающего каждый шорох.

«Без лишних слов, — сказала она, не глядя на него, будто обсуждала мощность морозильной камеры. — Я Анна Корсакова. Расследую «Эфириал Саунд» два года. Вы — седьмой, кто рассказывает похожую историю. Шестеро до вас либо замолчали после угроз, либо... исчезли из поля зрения. Или изменились до неузнаваемости».

Лев почувствовал, как холодеет спина. «Исчезли?»

«Вот этот, — она достала из сумки планшет, показала фото улыбающегося парня с гитарой. — Бенджамин Кларк. Талантливый инди-музыкант из Портленда. В 2021 году подписал контракт с дочерней структурой «Эфириал». Через три месяца выпустил альбом-блокбастер. А через полгода был найден мертвым в своем доме. Официальная версия — передозировка. Но те, кто знал его, говорят, что он был самым ярким противником наркотиков. И что после того альбома он стал другим. Пустым».

Она листала дальше. Итальянский оперный певец, сошедший со сцены из-за «потери голоса». Французский электронщик, помещенный в частную психиатрическую клинику после серии «эмоциональных срывов».

«У всех у них, как и у вас, после сотрудничества с Вальтером наступала фаза полной творческой апатии, — продолжала Анна, голос ее был ровным, но в нем слышалось подавленное бешенство. — Они описывали это как «выгорание», «депрессию». Но слишком уж одинаково. И слишком удобно для Вальтера — больше никаких претензий от авторов».

«Что они со мной сделали?» — прошептал Лев, глядя на свое отражение в полированной стали холодильника. Оно казалось ему чужим.

«Я не уверена на все сто. У меня есть источник. Бывший инженер, который работал над ранними версиями их системы. Он называет ее «Нейро-Рифф». И говорит, что она не просто записывает мозговую активность. Она... архивирует состояние творческого потока. Со всеми сопутствующими нейрохимическими процессами. По сути, выкачивает из вас саму способность так глубоко переживать музыку. Один раз и навсегда. Оставляя навык, но убивая душу акта».

Слова Анны попали прямо в яблочко, дав название тому невыразимому ужасу, что жил в нем. «Выкачивает способность». Он кивнул, не в силах говорить.

«Они создают идеальный продукт, Лев, — она наконец посмотрела на него. В ее глазах была жесткая решимость. — Не просто хит. А эталон эмоции. Который потом можно тиражировать, использовать в саундтреках, рекламе, политических кампаниях. Музыка, которая бьет точно в цель, потому что она — выжатая до капли настоящая человеческая боль, радость, тоска. А вы — расходный материал. Как нефть. Ее выкачали и забыли».

«Но... зачем им было платить мне такие деньги? Зачем вообще связываться?» «Во-первых, легальное прикрытие. Контракт. Во-вторых, молчание. Но вы не замолчали. И в-третьих...» Она помедлила. «Мой источник намекал, что системе нужны не просто данные.

Нужны свежие, сильные образцы. Чтобы поддерживать ее собственную... эволюцию. Она учится на них. Как ИИ. И чем ценнее образец — тем больше за него платят, чтобы гарантированно его получить. Ваша мелодия, судя по всему, была исключительной добычей».

Лев прислонился к холодному корпусу холодильника. Его тошнило. «Что мне делать? Я ничего не могу доказать. Контракт железный. Я — посмешище».

«Вы можете помочь мне их остановить, — тихо, но четко сказала Анна. — Вы — живое доказательство. Единственный, кто пока еще на свободе и готов говорить. Но для этого нужны улики. Настоящие. Не наши с вами слова. Нужно проникнуть внутрь. Достать данные о том, как работает «Нейро-Рифф». Найти других «доноров», задокументировать их состояние. Это опасно. Безумно опасно».

Она вытащила из сумки старый кнопочный телефон.

«Вот. «Пустышка». Одноразовые номера. Мой будет записан под кнопкой «1». Никаких звонков с вашего обычного. Они почти наверняка его прослушивают. И слушайте... есть еще кое-что».

Она оглянулась, убедившись, что вокруг никого нет. «Помимо Вальтера и его оперативников, там есть кто-то... или что-то еще. Система. «Маэстро». Мой источник боялся его больше, чем людей. Говорил, что он начинает проявлять... любопытство. Особенно к тем, чьи данные оказались особенно «вкусными». Будьте осторожны не только с людьми».

Она протянула ему телефон. Лев взял его. Пластик был холодным и дешевым. «Почему вы все это делаете?» — спросил он.

Анна на мгновение отвела взгляд. «Мой брат был композитором. Очень талантливым. Он тоже подписал их контракт. Через полгода выбросился из окна. В предсмертной записке написал: «Во мне больше нет музыки. Только тихий вой». Полиция закрыла дело. Вальтер прислал мне букет на похороны. С тех пор это мое дело».

Она отвернулась, делая вид, что снова изучает холодильник. «Уходите первым. Через отдел мелкой техники. Я подожду. Подумайте о моем предложении. Но если решитесь — помните: вы больше не один».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.